

Ю. П. Чемякин
Екатеринбург
УрФУ, УрГПУ

ВОЖПАЙСКИЙ ПОСЕЛОК НА Р. БОЛЬШОЙ ЮГАН

Среди многих дискуссионных вопросов в археологии средневековья севера Западной Сибири – статус вожпайских комплексов. Существуют прямо противоположные взгляды на их место в системе средневековых древностей таежной зоны. Различаются представления об их происхождении и датировке. При этом представления о самих вожпайских комплексах, в первую очередь, о керамике у исследователей близки.

Особая вожпайская группа керамики впервые была охарактеризована В. Н. Чернецовым по материалам городища Вож-Пай и могильника Барсов городок [Чернецов, 1957. С. 196–200]. Ученый рассматривал ее как переходную – от оронтурского к кинтусовскому этапу – и датировал «большей частью IX в. н. э.». При этом, В. Н. Чернецов предполагал преемственность кинтусовской керамики от оронтурской через вожпайскую. «Материалы всего I тысячелетия н. э., – писал он, – дают картину ничем не нарушавшегося развития единой культуры, в пределах которой выделяемые нами этапы имеют служебное хронологическое значение и не отражают никаких существенных изменений, – а тем более переломов, – в истории племен Нижнего Приобья» [Там же. С. 200]. Валерий Николаевич рассматривал всю нижнеобскую культуру, включая вожпайские материалы, как угорскую, более того, как древнехантыйскую [Там же. С. 238]. С такой позицией автора позднее солидаризировались В. А. Могильников [1985; 1987. С. 216] и Ю. Ф. Кирюшин [1976. С. 25–27].

В самостоятельную археологическую культуру вожпайские древности были выделены Л. П. Хлобыстиным, в первую очередь по материалам стоянки Дюна III на Западном Таймыре, с привлечением материалов Среднего Обь-Иртышья [1982; 1993. С. 19–27]. Он датировал ее IX–X вв. и локализовал «на территории между нижними течениями Оби и Енисея, охваченной бассейнами рек Надыма, Пура и Таза». Происхождение вожпайской керамики он связывал с первым типом керамики релкинской культуры VI–VIII вв. Нарымского Приобья [1993. С. 23–25].

Широкие работы, проводившиеся уральскими археологами в Ханты-Мансийском автономном округе в 1970–1980-е гг. в связи с промышленным освоением Севера, привели к резкому увеличению источниковой базы, в том числе по средневековью. Все это позволило пересмотреть периодизацию В. Н. Чернецова и внести в нее существенные коррективы [Федорова и др., 1991. С. 126–145]. Авторы статьи предложили отказаться от понятия «археологическая культура» для средневековой истории таежного Обь-Иртышья из-за значительного единообразия материальной культуры в регионе, и заменили его понятиями «памятники ... типа» и «культурная общность». Было выделено 5 этапов, первый из которых (саровский) относился к концу раннего железного века. В новой схеме вожпайские древности рассматривались как ранняя стадия кинтусовского этапа и датировались концом IX – X в. [Там же. С. 137–139].

Чуть позже А. П. Зыков и Н. В. Федорова предложили для этой (таежной) культурно-исторической общности название обь-иртышская (ОИ КИО) и выделили в ее рамках уже 7 этапов, включив в нее памятники всего железного века, в том числе раннего [Зыков, Федорова, 1993. С. 65–66]. К. Г. Карачаров, в целом придерживаясь предложенной коллегами схемы культурогенеза на севере Западной Сибири, отождествил, без особых аргументов, этапы ОИ КИО с археологическими культурами. При этом вожпайские древности он вынес за пределы кинтусовского этапа (культуры) и рассмотрел их в ранге особой археологической культуры, генетически не связанной с предшествующей кучиминской. При этом он отметил, что сегодня «нет достаточно веских оснований, чтобы связывать вожпайскую культуру с каким-либо современным этносом» [Чемякин, Карачаров, 1999. – С. 42, 52–53; 2002. С. 44–45, 57].

Работы В. И. Семеновой в бассейне р. Большого Югана и Большого Балыка, в первую очередь, раскопки могильника Усть-Балык, позволили ей иначе взглянуть на культурно- и этногенез в регионе. Она высказала мнение, что «на протяжении I – начала II тыс. н. э. в Сургутском Приобье существуют две линии развития – вожпайская и потчевашская... Обе эти линии, скорее всего, были самодийскими и отражали две части распространения этноса – соответственно северную и южную» [Семенова, 2001. С. 192]. При этом В. И. Семенова осталась сторонницей периодизации В. Н. Чернецова. Выделив по орнаментации среди вожпайской посуды четыре группы сосудов, она датировала их IX–XI вв. [Там же. С. 57–61].

В 2006 г. вышло сразу несколько работ, затрагивавших проблему вожпайских древностей. А. П. Зыков в своих статьях реанимировал нижнеобскую культуру В. Н. Чернецова как «центральное ядро» ОИ КИО. Внутри нее были сохранены этапы для эпохи позднего железа, предложенные им с соавторами в начале 1990-х гг. [Зыков, 2006а. С. 33–58; 2006б. С. 109–124]. Однако А. П. Зыков отказался от включения в ОИ КИО «памятников и этапов, связанных с ранним железным веком». По-прежнему «в рамках кинту-

совского этапа выделяется три последовательных хронологических периода, каждому из которых соответствует определенная группа керамики. Первый период связан с существованием памятников с вожпайской группой керамики» [Зыков, 2006б. С. 118]. Он отмечает преемственность между типами посуды разных периодов, а также совместное их нахождение на ряде памятников, в том числе в могилах. Статьи явились кратким авторефератом его монографии, написанной в середине 2000-х гг., но изданной недавно [Зыков, 2012. С. 88–90]. К сожалению, в этих работах А. П. Зыков не упоминает вожпайское домостроительство. По его мнению, вожпайские древности происходят от кучиминских и трансформируются в оронтурские (на следующей стадии кинтусовского этапа), а время их существования – конец IX – X (или даже первая половина X) вв.

Иной позиции придерживается К. Г. Карачаров [2006]. Он разделяет «мнение Л. П. Хлобыстина о вожпайском феномене как об археологической культуре» и считает, что в последние два века, вероятно, «Западная Сибирь испытала значительный внешний импульс, который отразился на политическом и культурном облике региона». По мнению К. Г. Карачарова, с большой долей уверенности можно говорить о том, что «вожпайская археологическая культура возникает во второй половине IX в. и исчезает во второй половине X в.» [Там же. С. 146].

Рассмотрим некоторые положения исследователей. Для начала сравним опубликованные археологические карты и списки вожпайских памятников. У А. П. Зыкова упоминаются 15 памятников, на карте К. Г. Карачарова обозначены 17 пунктов. На картах, созданных В. А. Семеновым или при ее участии, нанесены 15 [2001. Рис. 2] и 24 [Пошехонова и др., 2008. Рис. 1] памятника, причем на более поздней карте нет ряда пунктов, обозначенных как вожпайские в 2001 г. В списке Н. В. Березовской фигурируют 5 памятников в Нарымском Приобье [1992. С. 95–97], из них только 4 есть на карте, составленной тюменскими археологами (со ссылкой на Н. В. Березовскую) [Пошехонова и др., 2008]. Всего названо 36 пунктов, из которых общими в списках являются лишь 13. Это не удивительно, если принять во внимание, что на большинстве остальных были проведены только разведочные сборы, а некоторые причислены к вожпайским лишь на основе их внешнего облика и топосъемок. Выводы о преемственности или «безусловном отличии» базируются на одних и тех же коллекциях. Тем не менее, ни в одной работе нет сравнительного статистического анализа керамического материала. Весьма скромная статистика, приведенная В. И. Семеновым на основе сравнения двух кучиминских и одного вожпайского памятников, не может претендовать на отражение какой-либо закономерности. Нет подобного анализа и погребального обряда; существующие же сравнения носят описательный характер. Чрезвычайно редки в публикациях описания построек, несмотря на то, что при характеристике вожпайских древностей временами фигурирует домостроительство («котлованы ... жилищ исследованы на многих вожпайских памятниках в Среднем Приобье и за его пределами» [Там же. С. 189]). В своей обобщающей монографии А. П. Зыков пишет, что (в Сургутском Приобье? – Ю. Ч.) «достоверно однослойных вожпайских поселений не выявлено» [2012. С. 89]. Нет характеристики вожпайских сооружений и в статье К. Г. Карачарова [2006].

Мне до недавнего времени были известны всего пять вожпайских построек, из которых в литературе описаны лишь две: жилища на стоянке Дюна III [Хлобыстин, 1993. С. 19–21, рис. 1] и на поселении Вынгайха 7 [Пошехонова и др., 2008. С. 184–189, рис. 3]. Последнее, по мнению авторов, являлось сезонной постройкой. Оба памятника находятся за пределами основного вожпайского ареала. Еще два жилища были исследованы Н. В. Федоровой на селище Барсова гора II/14 (II/16) в 1973 и 1977 гг. Они представляли собой прямоугольные, чуть углубленные (на 25–40 см) постройки, котлованы которых имели размеры 9,0×6,5 и 7,25×7,15 м. В северной части первой находился выход в виде выступа размером 1,0×0,25 м. Во втором жилище выход в виде небольшого коридорчика шириной 0,5 м располагался в южной стенке. Стены жилищ снаружи присыпались песком, в центре котлованов находился открытый очаг. В обоих сооружениях были обнаружены ямки от столбов, однако реконструировать стены и перекрытие по ним нельзя¹. В третьем жилище, исследованном автором на этом же памятнике, найдена керамика вожпайского и оронтурского периодов кинтусовского этапа (по А. П. Зыкову [2012. С. 89, 91; рис. 57–8]). Это была небольшая постройка, возведенная во впадине, оставшейся от неолитического жилища. Она имела подпрямоугольную с закругленными углами форму, размер 4×3,2 м и была ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. С южной и восточной сторон границы постройки были слабо различимы, что отчасти объясняется понижением поверхности в эти стороны. Поэтому я допускаю, что размеры жилища могли быть несколько больше. В центре помещения выявлены остатки очага. Глубина котлована, вероятно, не превышала 35–55 см [Чемакин, 1991. С. 185, рис. 1, 2 – 1–8]. Еще одно жилище, перекрывавшее постройку с аганским типом посуды, раскопано Л. В. Носковой и К. Г. Карачаровым в бассейне р. Аган [Носкова, Карачаров, 2009. С. 631–632].

¹ Я признателен Н. В. Федоровой за разрешение использовать ее неопубликованные материалы.

В 2007–2008 и 2010–2012 гг. автор вместе с Т. Ю. Фефиловой исследовал селище Сартым-урий 16 в бассейне Большого Югана. Памятник оказался двухслойным: ранний, более обширный, слой относился к карымскому этапу, поздний, относительно локальный, содержал вожпайские материалы. Т. Ю. Фефилова вскрыла три вожпайских жилища и две постройки, возможно, хозяйственного или производственного назначения. Две постройки и одно жилище оказались однослойными. Еще под двумя жилищами выявлены остатки котлованов карымского времени, хорошо отчленившиеся от первых стратиграфически [Фефилова, Чемякин, 2008. С. 177–186; 2009. С. 229–248]. К сегодняшнему дню на памятнике исследовано 4058 кв. м (в 2012 г. к раскопкам памятника подключились С. А. Мызников и В. А. Маракулин). Учитывая это, можно с уверенностью сказать, что вожпайский поселок исследован полностью. Ранний (карымский) слой на этом селище отстоит от вожпайского, как минимум, на три века, поэтому следует признать, что последний слой – чистый и, на наш взгляд, кратковременный. Все вожпайские объекты, по-видимому, функционировали одновременно.

Объект 6 до раскопок представлял углубленную на 45 см от уровня дневной поверхности подпрямоугольную впадину размером 6,9×5,2 м, окруженную обваловкой шириной 1,8–3,3 м и высотой 9–32 см. Впадина осталась от подпрямоугольного жилища размером 7,15×6,7 м, длинной осью ориентированного по линии запад – восток. Посередине восточной стенки, на месте разрыва обваловки, фиксировался овално-подтреугольный выступ размерами 1,6×0,7 м, представлявший собой остатки выхода из постройки. С южной стороны к нему примыкала ниша размером 2,5×1,3 м. В центре жилища находился очаг размером 2,54×1,44 м, мощностью до 20 см. Рядом с ним выкопана хозяйственная (?) яма размером 1,65×1,04 м и глубиной 53 см от уровня пола. В нише найдена бронзовая полая коньковая подвеска, под которой хорошо сохранились фрагменты стеблей злаков, осок и хвоща (вероятно, следы покрытия пола). На полу жилища лежала антропоморфная фигурка, отлитая из «белой» бронзы. Недалеко от нее были расчищены развалы двух сосудов вожпайского типа. Вожпайская керамика найдена и в других местах постройки. Кроме нее, в жилище обнаружены железные ножи, стамески, наконечник стрелы, шилья, рыболовные крючки и фрагменты рюмковидного тигля. С северной и северо-западной сторон к жилищу примыкали две ямы, в заполнении которых расчищены линзы из рыбьих костей и чешуи.

Объект 7 представлял собой слегка углубленную подпрямоугольную впадину размером 5×4,5×0,27 м, почти примыкавшую к объекту 6 с Ю. Она также была окружена обваловкой, шириной 1,3–1,8 м, высотой 17–34 см – от уровня современной поверхности. С западной стороны к обваловке примыкала овальная яма, с южной – еще три. При раскопках выяснилось, что объект – двухслойный. Остатки поздней постройки 7 имели подпрямоугольную форму, размер 5,7×4,8 м и были углублены от уровня древней поверхности на 16 см. С южной стороны жилища, как бы продолжая его западную и восточную стенки, зафиксированы две канавы, длиной 2,8 м (западная) и 2,4 м (восточная). Ширина их сверху около 0,6 м. Канавы вклинивались в котлован вдоль его стен (росшие по краям впадины сосны не позволили определить, на какое расстояние). Дно их было неровное. За пределами котлована канавы углублялись относительно уровня пола почти на 50 см. Не исключено, что они входили в конструкцию жилища, однако их назначение точно не определено. Посередине северной части обваловки фиксировался разрыв, возможно, маркировавший выход из постройки, направленный в сторону жилища 6. Однако современный выворотень и яма, находившиеся в этом же месте, не позволили однозначно определить это. На уровне пола размер котлована составлял 4,8×4,0–5,0 м. Пол с трех сторон окаймляла полоса желто-серого песка шириной от 28 см (вдоль западной стены) до 63 см (вдоль южной). Возможно, она возникла на месте нар, следы которых фиксировались в профиле в виде серой углистой прослойки толщиной 4 и длиной 52 см, перекрытой слоем обваловки. В центре помещения расчищен очаг размером 2,09×1,07 м и мощностью до 16 см. В жилище найдена вожпайская керамика.

Также двухслойным оказался *объект 10*, находившийся в 10 м к ЮВ от объектов 6 и 7. Он имел вид углубленной на 30 см впадины подквадратной формы, размером 4,9×4,8 м, с обваловкой шириной 1,4–1,3 м и высотой 2–16 см. Она осталась от чуть углубленных жилищ 10 и 10а. Более позднее жилище 10 имело размер 4,4×4,1 м. Следов выхода у него не выявлено. В центре жилища, под моховой подстилкой, были найдены шесть железных прямоугольных пластин от доспеха. Еще одна такая же пластина обнаружена в 1,5 м южнее этого скопления. На глубине 30 см от уровня древней поверхности наблюдались пол и – в центре помещения – очаг жилища 10. Размер постройки на этом уровне: 4,1×4,0 м. Очаг – размером 1,3×1,2 м, мощностью 15–18 см. На этом же горизонте залегали фрагменты сосудов вожпайского типа. В юго-восточном углу жилища найдены два каменных абразива и развал неорнаментированного сосуда.

Объект 13 находился в 7 м к ССВ от жилища 6. Он представлял собой углубленную на 15–20 см впадину неправильно-округлой формы размером 2,4×2,2 м, окруженную обваловкой шириной до 1,3 м и высотой 8–10 см. В юго-восточной части объекта обваловка расплылась и почти совсем исчезла. Размер постройки 13 не превышал 2,9×2,5 м. Пол ее был зафиксирован на глубине около 5 см от уровня погребенной почвы.

С восточной стороны к постройке примыкал клин желто-серого оподзоленного песка подтреугольной формы размером 94×21×88 см (выход?). Вершина треугольника была направлена на восток и соприкасалась с внешней ямой. В центре жилища зафиксирован очаг размером 48×93 см и мощностью около 5 см. При его разборке были найдены фрагменты сосудов вожпайского типа. Судя по стратиграфии и сильной «размазанности» слоя обваловки, постройка 13 была практически наземной. Размер ее и малая мощность очага могут свидетельствовать о временном характере или хозяйственном назначении данного сооружения.

Объект 14 представлял слегка углубленную (на 10–15 см) впадину неправильно-округлой формы, размером 2,6×2,3 м, окруженную обваловкой шириной до 1,0 м и высотой 8–10 см, расположенную в 5 м к СВ от жилища 6. Пол постройки 14 был чуть углублен в центре и представлял собой аморфное пятно серо-желтого песка. Четких границ сооружения не удалось зафиксировать ни в плане, ни в профилях. Возможно, оно имело каркасную конструкцию. Размер постройки приблизительно 3,7×2,7 м. В центре помещения зафиксирован очаг размером 1,47×1,07 м, мощностью до 18 см. Под очагом расчищены остатки ямы диаметром около 0,6 м, заполненной буро-серым слоем очажной супеси с темно-серыми прослойками по периметру. В центре ее фиксировалась линза обожженной глины (21×32 см) толщиной до 12 см. В разрезе яма параболоидная, глубиной от уровня пола около 27–30 см. Небольшие размеры и глубина пола, его расплывчатые границы, а также наличие ямы, заполненной обожженной глиной, позволяют предполагать, что постройка имела хозяйственное или даже производственное значение. В очаге и на ее полу найдена вожпайская керамика.

В последующие годы были выявлены только внешние очаги с вожпайскими черепками и отдельные скопления вожпайской керамики. Все очаги находились к СВ от центра поселка, на значительном удалении от построек [Чемакин, Борзунов, 2012. С. 314–316, 318, 319, 321, 322, ил. 21, 22, 26]. Один очаг находился в 12 м к В от постройки 13, другой – в 28 м к ВСВ, третий – в 39 м к СВ (рис. 2). Если первый очаг был выявлен случайно в траншее, заложенной археологами рядом с раскопом, то два других были частично обнажены и разрушены при вырубке леса строителями газопровода. В третьем очаге и рядом с ним собраны обломки вожпайской посуды и куски обожженной глиняной обмазки, свидетельствовавшие о существовании здесь какого-то производства в вожпайский период [Там же. Ил. 33]. К сожалению, слой вокруг очага был практически разрушен или уничтожен до материка при вырубке леса. Учитывая, что при обследовании памятника в предыдущие годы здесь не было выявлено никаких углубленных жилых построек, можно предположить, что очаги были самостоятельными объектами, над которыми могли быть возведены легкие навесы, либо находились в каких-то наземных сооружениях.

Исследованные типы вожпайских построек на Барсовой Горе и протоке Сартым-урий характерны для памятников этого региона, по крайней мере, с карымского этапа по кинтусовский включительно. Оригинальным выглядит жилище 7 селища Сартым-урий 16, но утверждать это пока рано. Для датировки памятника интересен результат анализа сгоревшего корня или, возможно, кола, пронзившего остатки карымского очага на северной окраине селища Сартым-урий 17 (примерно в 40–45 м от ближайшего вожпайского жилища): 1040±50 л. н. (ЛЕ–7770). В калиброванных интервалах: 890–1040 гг. н. э. (с вероятностью 68,2 %) и 880–1160 гг. н. э. (95,4%). Не исключено, что взятый уголь отражает какой-то пожар, случившийся в поздний (вожпайский) период существования селища. Однако доказать это невозможно.

Вожпайская коллекция с селища Сартым-урий 16 представлена обломками сосудов, стеклянной бусиной, бронзовой металлопластикой и железными изделиями. Керамика типична для подобных комплексов. Найдены обломки глиняных рюмковидных тиглей. Изделия из бронзы представлены антропоморфной фигуркой и полый коньковой подвеской. Многочисленна коллекция железных вещей: ножи, наконечники стрел, стамески, рыболовные крючки, пинцет, шилья, игла, набор панцирных пластин.

Селище Сартым-урий 16 является первым полностью раскопанным поселением вожпайского типа в Сургутском Приобье.

Литература

- Березовская Н. В. Вожпайские памятники в Нарымском Приобье // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докладов. Томск, 1992.
- Зыков А. П. Периодизация нижнеобской культуры в Сургутском Приобье // Провинциальный музей в рамках разработки проектов музеефикации археологических объектов. Екатеринбург, 2006а.
- Зыков А. П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006б.
- Зыков А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.

- Зыков А. П., Федорова Н. В.* Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993.
- Карачаров К. Г.* Вожпайская археологическая культура // УИВ. № 14. Екатеринбург, 2006.
- Кирюшин Ю. Ф.* Поселение Тух-Эмтор IV – памятник Васюганского Приобья // ИИС. Вып. 19. Томск, 1976.
- Могильников В. А.* Предметы изобразительного искусства обских угров и вопрос этнической интерпретации керамики вожпайского типа // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск, 1985.
- Могильников В. А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 т. Т.: Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.
- Носкова Л. В., Карачаров К. Г.* Раскопки аварийных участков селища Нех-урий 1 и комплекса Нех-урий 3 // АО 2006 г. М., 2009.
- Пошехонова О. Е., Семенова В. И., Иванов С. Н., Рябогина Н. Е., Якимов А. С.* Археологические и палеоэкологические исследования средневекового поселения Вынгайха 7 (северотаежная часть бассейна р. Пур) // ВААЭ. № 9. Тюмень, 2008.
- Семенова В. И.* Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.
- Федорова Н. В., Зыков А. П., Морозов В. М., Терехова Л. М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Вып. 20. Екатеринбург, 1991.
- Фефилова Т. Ю., Чемякин Ю. П.* Раскопки селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО–Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 6. Тюмень; Ханты-Мансийск, 2008.
- Фефилова Т. Ю., Чемякин Ю. П.* Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 7. Томск; Ханты-Мансийск, 2009.
- Хлобыстин Л. П.* Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1982.
- Хлобыстин Л. П.* Вожпайская культура на Западном Таймыре и вопросы ее этнической принадлежности // Ad Polus. Археологические изыскания. Вып. 10. СПб., 1993.
- Чемякин Ю. П.* Неолитическая стоянка Барсова гора II/17 в Сургутском Приобье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991.
- Чемякин Ю. П., Борзунов В. А.* Спасательные полевые археологические работы на средневековом селище Сартым-Урий 16 в Сургутском Приобье // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 10. Томск; Ханты-Мансийск, 2012.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999.
- Чемякин Ю. П., Карачаров К. Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов (Материалы к атласу). 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург, 2002.
- Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. № 58: Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. М., 1957.

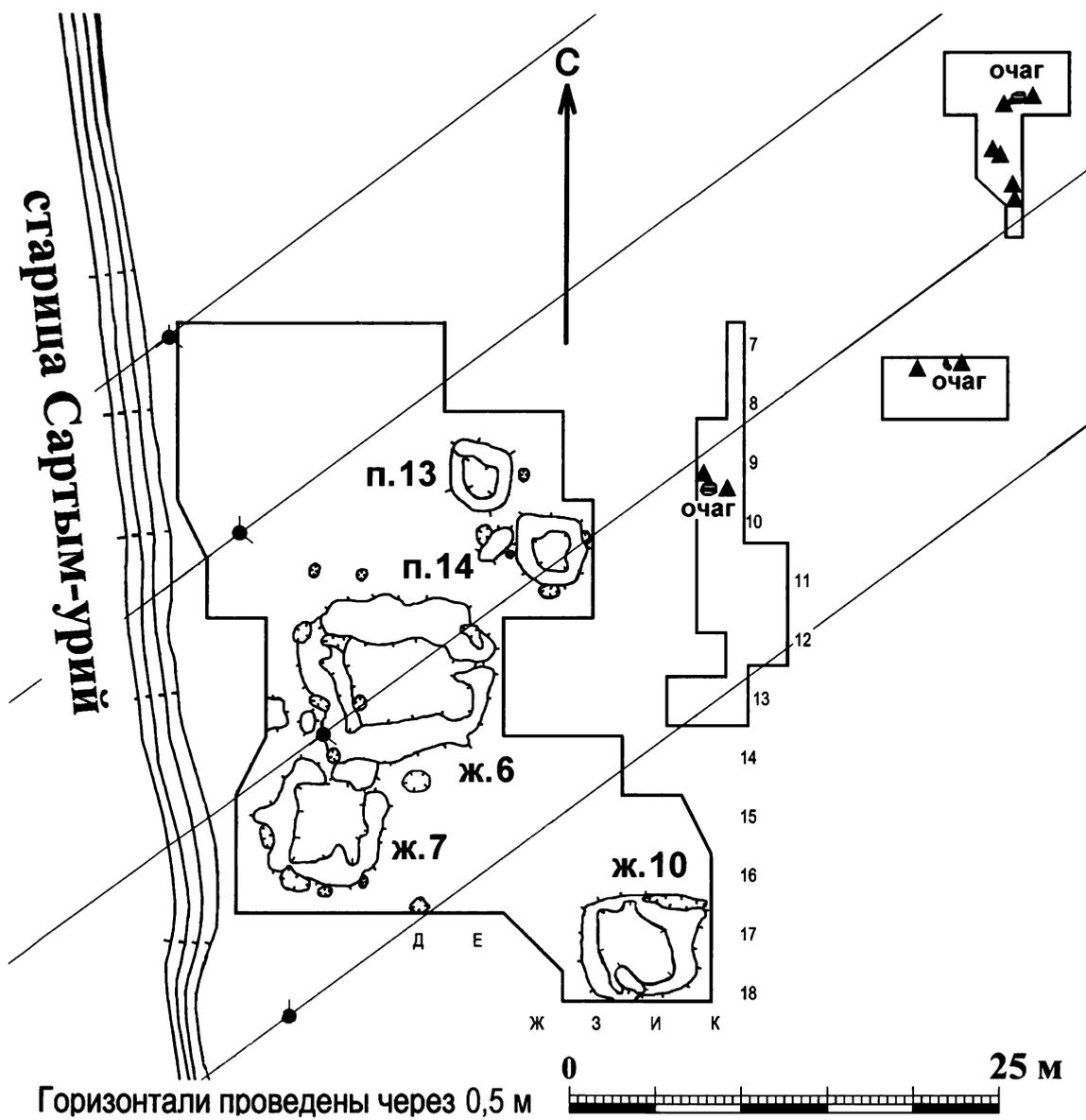

Рис. 2. Селище Сартым-урий 16. План вожпайского поселка